С.С. Мусайханов

«ШАРИАТСКОЕ ГОСУДАРСТВО» В РЕАЛИЯХ ИЧКЕРИИ (ЧЕЧНИ)

МУСАЙХАНОВ Сайхан Султанович – аспирант кафедры государственно-конфессиональных отношений РАГС, начальник отдела по взаимодействию с общественными объединениями Комитета Правительства Чеченской Республики по делам молодежи (e-mail: musaikhanov@mail.ru)

Аннотация. *Статья посвящена сложному периоду постсоветской истории чеченского общества, когда политический экстремизм (сепаратизм), подкрепленный радикальным исламом, предпринял попытку создания в Чеченской Республике Ичкерия «шариатского государства» – была сформирована система шариатских судов. Однако уже первые приговоры таких судов показали, что чеченское общество не готово жить по законам шариата.*

Ключевые слова: *радикализм, ваххабизм, исламизм, шариат, ансар, мухаджир, суфизм, тарикат, «чистый ислам», джамаат, мазхаб.*

Процесс оживления ислама в Чечне начался в конце 1980-х гг., а его радикализация – с распадом СССР, распространением нетрадиционных для Чечни и всего Северного Кавказа форм ислама – так называемых исламского фундаментализма и ваххабизма.

Первая российско-чеченская война ускорила процесс радикализации ислама не только в Чечне, но и на всем Северном Кавказе.

Джохар Дудаев не собирался исламизировать чеченское общество. Об этом свидетельствует Конституция Чеченской Республики 1992 г., в которой она объявлялась светским государством. Сам Дудаев неоднократно говорил, что его цель – создание светского демократического государства. Однако так называемая первая чеченская война внесла существенные коррективы в исламизацию чеченского общества: ислам стал главным фактором, способным мобилизовать часть чеченского общества на противодействие федеральным войскам.

Часть чеченского духовенства, поддержавшая режим Д. Дудаева, объявила газават (священную войну) России и призвала чеченский народ принять активное участие. Однако большая часть духовенства выступила против газавата, что сдерживало массовое участие чеченцев в военных действиях.

В ходе так называемой первой чеченской войны ваххабиты создали шариатские суды, которые начали свою публичную деятельность с наказания трех милиционеров из селения Ведено, обвиненных в распитии спирт-

ного. Подобные формы наказания мусульман начали распространяться в Чечне в 1995–1999 гг.

В октябре 1996 г. и. о. президента З. Яндарбиев своим указом отменил действие светских судов, созданные в соответствии с Конституцией Чеченской Республики 1992 г., и образовал Верховный шариатский суд и районные шариатские суды. Руководителем Верховного шариатского суда был назначен Ш. Батукаев, заместитель муфтия Ичкерии А.-Х. Кадырова. Все шариатские суды были укомплектованы сторонниками ваххабизма – «чистого ислама».

По поводу образования шариатских судов в Ичкерии З. Яндарбиев писал: «Всем памятно, наверное, с каким воодушевлением принял чеченский народ переход на полное шариатское судопроизводство и упразднение всей светской судебной системы в самом конце 1996 года, в том числе и другие шаги государственного руководства в этом направлении». Дальше он сообщал, что не было «единого взгляда на вопрос об исламском государстве и исламе в целом». И далее: «Но народ был настроен однозначно»[1].

На самом деле не было никакого воодушевления и однозначного отношения к введению шариатского судопроизводства. Народ всерьез не воспринимал возможность создания исламского государства в Чечне. В обществе не было однозначной позиции о введении шариатского правления и создании исламского государства. Напротив, простые граждане и образованные люди выражали сомнение в необходимости создания исламского государства. Открыто высказывались суждения, что чеченское общество не подготовлено для введения шариатского суда, шариатского правления и исламского государства. Многие верующие и традиционное чеченское духовенство полагали, что для введения шариата в Чечне не сложились соответствующие условия. Традиционное духовенство (лидеры суфийских братств) не поддержало идею создания в Чечне исламского государства и шариатских судов, мотивируя свое несогласие тем, что в обществе недостаточно знатоков шариата, способных вести судопроизводство. Тем не менее, без учета общей духовно-культурной ситуации в Чечне в октябре 1996 г. были введены шариатские суды.

З. Яндарбиев вместе с ваххабитами форсировал процесс навязывания шариата чеченскому народу. В 1997 г. в ходе передачи власти А. Масхадову в связи с состоявшими президентскими выборами в Чечне Яндарбиев заявил, что вручает избранному президенту «полностью состоявшееся исламское государство». Этим высказыванием он выдавал желаемое за действительное. Вопреки желанию З.Яндарбиева исламское государство в Чечне так и не было создано. Это подтвердило совещание, проведенное руководством Ичкерии и муфтием А.-Х. Кадыровым в марте 1997 г. На нем были высказаны сомнения в возможности построения в Чечне исламского

[1] *Акаев, В.Х.* Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе // http://ippk.edu.mhost.ru/elibrary/elibrary/autors/aut_02/aut_02_09.htm.

государства, что требует огромной подготовительной работы и длительного этапа развития мусульманского общества.

Экономическая, политическая и культурная реальность, сложившаяся в период правления Яндарбиева, не имела ничего общего с исламским государством.

Начавшийся в Чечне процесс шариатизации показал полную неподготовленность граждан и духовенства к новой ситуации. В Чечне, как уже отмечалось, практически не было подготовленных шариатских судей. Тем не менее, в шариатских судах выносились многочисленные приговоры, в том числе смертные.

Процесс радикализации ислама в Чеченской Республике Ичкерии связан с так называемой победой А. Масхадова, захватившего 6 августа 1996 г. Грозный и добившегося вывода федеральных войск с территории Чечни. Шариатские суды, созданные в армии А. Масхадова, осуществляли свою деятельность как в полевых условиях, так и во время захвата Грозного. Фактически они расправлялись со своими противниками, некоторые из которых были уничтожены, а другие понесли наказания.

Уместно привести такой пример. 20 августа 1996 г. состоялся шариатский суд над бывшим дудаевским муфтием М.-Х. Алсабековым, который под давлением Д. Дудаева сначала объявил газават против российских войск осенью 1994 г., а затем отказался от своих слов и уехал в Алма-Ату. Но перед этим Алсабеков по приговору шариатского суда публично получил восемьдесят палочных ударов.

Созданные из числа боевиков и ваххабитов «военно-полевые суды» составили основу будущей шариатской инфраструктуры в Чечне. Идейная и практическая деятельность шариатских судов в Чеченской Республике Ичкерия основывалась на так называемом уголовном кодексе – шариате. Этот документ не был осмыслен мусульманскими теологами Чечни. Он имел зарубежное происхождение. Как утверждает В.Х. Акаев, этот «шариатский уголовный кодекс» был составлен Хасаном ат-Тураби, спикером парламента Судан для принятия в своей стране. Но и в Судане он не был принят. Именно этот текст был навязан З. Яндарбиевым чеченскому обществу в качестве основы уголовного кодекса.

Деятельность шариатских судов была невозможна в условиях отсутствия традиций и подготовленных мусульманских судей. С первых же дней функционирования шариатских судов возникла острая нехватка квалифицированных, теоретически и практически подготовленных судей. Ваххабиты, захватившие судебную власть в Ичкерии, пытались решить эту задачу путем открытия в Гудермесе ускоренных курсов обучения шариатских судей. Контроль за ними по поручению Яндарбиева осуществлял лидер дагестанских ваххабитов Б. Кебедов, перебравшийся из Дагестана в Чечню. Подготовка судей носила поверхностный характер, выпускники не обладали соответствующими знаниями и практикой,

что вызывало недовольство людей, обращавшихся в суд за справедливостью.

В Верховном шариатском суде рассматривались дела различного рода – от уголовных до гражданских. Председатель Верховного шариатского суда Ш. Батукаев, рассмотрев дело о прелюбодеянии молодого человека и женщины, приговорил их к смертной казни. Приговор был приведен в исполнении при большом стечении людей. Эта устрашающая мера не дала какого-либо положительного эффекта.

Верховный шариатский суд допускал избирательное отношение в ходе судебного разбирательства, игнорируя принцип беспристрастности. Так, в 1999 г. рассматривалось дело об изнасиловании молодой русской девушки. Насильник не понес должного наказания, получил условный срок. Таких случаев можно привести множество, что подтверждало не только неквалифицированность судей, но и их произвол, дискредитировавшие шариатское судопроизводство как таковое.

В Чечне росло недовольство деятельностью ваххабитов. В жесткой оппозиции к ваххабитам находилось большинство лидеров суфийских братств, для которых укрепление позиции сторонников «чистого ислама» грозило потерей влияния на верующих. Солидарную позицию занимали и духовные управления соседних регионов, прежде всего Ингушетии и Дагестана. Действия ваххабитов, контролировавших деятельность шариатских судов, не способствовали наведению порядка в республике. Более того, многие ваххабиты сами совершали тяжкие преступления.

В начале 1996 г. президентом Чечни был избран А. Масхадов. 3 февраля он издал указ о введении в республике шариатского правления «в полном объеме», поручив парламенту и муфтияту в течение месяца разработать проект шариатской конституции (впоследствии она была разработана на основе исламского законодательства Ирана и Пакистана).

Новый президент попытался ограничить влияние ваххабитов, за что был подвергнут критике проваххабитскими кругами за «промосковскую позицию» и нежелание вести республику по исламскому пути развития. В 1997–1998 гг. на митингах в Грозном неоднократно звучали лозунги против ваххабитского засилья в Чечне, в резолюциях которых президента призывали избавиться от министров-ваххабитов.

Первое антиправительственное выступление ваххабитов произошло 31 мая 1998 г. под Гудермесом. Противостояние началось еще раньше, на митинге в Урус-Мартане, где собрались «истовые мусульмане» после того, как в отставку был отправлен лидер ваххабитов министр шариатской безопасности И. Халимов. 14–15 июля 1998 г. в Гудермесе произошло столкновение между вооруженными формированиями ваххабитского толка и бойцами Гудермесского полка национальной гвардии. Бой произошел между бойцами полевого командира С. Ямадаева, сторонниками так называемого традиционного ислама (суфийских братств) и полевыми коман-

дирами А. Бараевым и А.-И. Межидовым, сторонниками радикального ваххабизма. По официальным сведениям в этом бою погибли более 30 ваххабитов, 20 сторонников «традиционного ислама» и 10 мирных жителей.

18 июля из грозненского следственного изолятора бежали 32 особо опасных преступника, приговоренных Верховным шариатским судом за убийства, похищения людей и другие тяжкие преступления к смертной казни, пожизненному заключению или длительным срокам. Министр шариатской безопасности А. Арсаев не скрывал, что охрана тюрьмы помогла бежавшим, отдав им ключи от главного входа и всех тюремных камер. Охранники – члены шариатской гвардии – скрылись вместе с преступниками.

После этих событий президент Масхадов предпринял попытки вытеснить из республики ваххабитов. Специальным указом он вывел из системы правоохранительных органов республики силовые структуры, причастные к гудермесским событиям. Были расформированы шариатская гвардия и исламский полк особого назначения. Заместитель министра шариатской безопасности генерал А.-М. Межидов и заместитель командующего национальной гвардией генерал А. Бараев были отстранены от занимаемых должностей и лишены генеральских званий. Причиной стало участие этих лиц вместе со своими подразделениями в военной операции в Гудермесе на стороне «неправительственных структур».

19 июля А. Масхадов подписал указ о призыве бывших участников войны, которых власть решила использовать для борьбы с преступностью. Решение президента поддержали «все полевые командиры», которые накануне провели экстренное совещание и призвали Масхадова «во всех своих действиях опираться только на участников войны». Шамиль Басаев вновь занял один из высших в Ичкерии государственных постов. Указом Масхадова он был назначен заместителем главнокомандующего вооруженными силами республики.

Масхадов дал указание о высылке из республики в течение 48 часов известного полевого командира Хаттаба, но оно не было выполнено. Президент призвал жителей Чечни, родителей, чьи дети лживой пропагандой были вовлечены в ваххабитские движения, вооруженные формирования и иные структуры, вернуть их домой.

21 июля 1998 г. у селения Старые Атаги по приказу экс-президента Чечни З. Яндарбиева собрались вооруженные формирования, состоявшие из бойцов распущенной гвардии. Генеральный прокурор Чечни Х. Сербиев и муфтий Чечни А. Кадыров призвали З. Яндарбиева прекратить противоправные действия. Кадыров назвал экс-президента виновным в трагических событиях в Гудермесе. По словам муфтия, Яндарбиев, еще будучи президентом, пригласил в Чечню из Дагестана некоего Багауддина Кебедова, который впоследствии возглавил движение ваххабитов в Чечне. Тем самым Яндарбиев «заложил мину замедленного действия», которая и взорвалась в Гудермесе.

После разгрома в Гудермесе группы Б. Кебедова появилось письмо его сторонников к мусульманам. В нем утверждалось, что во главе джамаата стоит известный не только на Кавказе, но и в ряде арабских стран Багауддин Мухаммад Дагистани. Но вместо того чтобы стать достойными ансарами для мухаджиров из Дагестана, власти Чечни отнеслись к ним с пренебрежением. Хуже того – враждебно. Поводом для неприязни к шейху послужило его искреннее предложение своей помощи в построении исламского государства. Шейх заметил, что для эффективного внедрения исламской системы правления мы не имеем грамотных алимов, обладающих обширными знаниями ислама и шариата, и таковых необходимо пригласить из Аравии – родины ислама. Однако такому предложению шейха воспротивился муфтият, ревностно и бдительно оберегающий президента от религиозных деятелей любого толка. После чего оскорбившемуся муфтияту слишком откровенный шейх стал неугоден не менее, чем кафирам, преследующим его за исламский фундаментализм. «И как возможно такое высокомерное отношение к своему брату по вере? Даже если он не был бы ученым человеком, где же чеченский гийллакха (этикет) в отношении мусульманина, вынужденного покинуть родной кров? …Вы только на словах мусульмане, если так надменны к своему единоверцу»[1].

Гудермесские события привели к дальнейшей поляризации сил, придерживающихся различных течений в исламе. Решительную позицию в борьбе с ваххабизмом занял муфтий республики А. Кадыров. По его инициативе летом 1998 г. в Грозном был проведен представительный конгресс мусульман Чечни, Ингушетии и Дагестана. Его участники осудили ваххабизм и потребовали «немедленно расформировать вооруженные группировки правоваххабитского характера»[2].

Конфронтация с президентом подвигла ваххабитов к взятию всей полноты власти в свои руки, так как затягивание конфликта было чревато для них вытеснением из органов власти. Была организована комиссия по проверке соответствия Конституции ЧРИ действиям президента. Возникла конфликтная ситуация между парламентом Чечни и Верховным шариатским судом, сформированным по указу бывшего и. о. президента З. Яндарбиева и состоящим в основном из ваххабитов. В исламском государстве нет места такому институту, как парламент. В фундаменталистской концепции люди не могут создавать законы, они лишь применяют на практике божественные. Поэтому власть может быть исполнительной, но не законодательной. Обе ветви государственной власти должны согласованно действовать на основе единого источника – божественного права, и их задача воплощать его в жизнь, а не конфликтовать.

---

[1] Путь ислама. – 1998. – № 1 (13). – С. 36.

[2] *Акаев, В.* Чечня: возможен ли афганский вариант? // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 1 (2). – С. 149–150.

В результате оба института, претендующие на высшую законодательную (в случае верховного шариатского суда – высшую совещательную) власть, приостановили деятельность друг друга, что вылилось в кризис власти. Ваххабитская оппозиция указывала президенту выход из создавшегося положения в создании Госсовета из числа алимов и полевых командиров, а в поддержку этого требования планировала провести 4 февраля 1999 г. съезд военно-патриотических сил Чечни.

Между тем приверженцы «традиционного ислама» были готовы оказать поддержку А. Масхадову в борьбе против ваххабитов. Еще 25 июля 1998 г. по инициативе муфтията Чечни в Грозном прошел съезд мусульман Кавказа. На нем присутствовали делегаты из Дагестана и Ингушетии. В резолюции съезда говорилось о необходимости запрета ваххабизма в регионе, изъятии распространяемой его сторонниками литературы, ограждении молодежи от теологических учебных заведений в регионе и за рубежом, где ведется пропаганда радикального ислама. Тем не менее силы, поддерживающие ваххабизм, были очень влиятельны: им сочувствовали авторитетные полевые командиры, в том числе Ш. Басаев.

«Во время войны молодежь стала больше посещать мечети, намаз стали совершать не только пожилые, но и молодые люди и даже молодые городские женщины, что было нехарактерным для Чечни. Война пробудила религиозные чувства. В феврале 1996 года в селении Рошни-чу жители, с которыми я беседовала, говорили, что надо благодарить федеральные войска за то, что чеченцы вернулись в лоно религии, и признавались, что только во время войны научились совершать намаз»[1]. По мнению С. Шерматовой, «Аслан Масхадов попытался дать импульс дальнейшей исламизации, ввести шариатское правление с тем, чтобы обуздать многочисленные преступные группировки, действующие в Чечне и за ее пределами. Это была попытка обуздать анархично настроенных чеченцев, заставить их подчиниться хоть каким-то законам. Из этой затеи ничего не вышло. Чеченское общество плохо подается попыткам ввести его в русло закона, хотя бы и законов Аллаха. В результате политического и экономического кризиса усиливается хаос. Шариатская республика объявлена, но законы не действуют. Новая шариатская конституция Чечни, над которой работают специальные комиссии, на сентябрь 1999 года не принята. Исламские требования причудливым образом переплетаются с национальными традициями и обрядами, создавая симбиоз, который повергает ученых-исламоведов в изумление»[2].

Как отмечает С. Шерматова, «аргументы сторонников ”чистого ислама“ (ваххабитов. – *С. М.*) сводятся к простой формуле: все, о чем не написано в Коране, не должно существовать. По мнению Багаутдина и других после-

[1] *Шарматова, С.* Так называемые ваххабиты // Чечня и Россия: общества и государства. – М., 1999. – С. 410.

[2] Там же. – С. 411.

дователей ”чистого ислама“, религия осквернена языческими традициями в виде национальных обычаев и чуждым первоначальному исламу суфизмом. Нужно чистить ислам, и эту миссию они взяли на себя»[1].

Выступавший до войны однозначно против исламизации власти и общества Д. Дудаев во время войны 1995 г. уже писал: «Власть шариата должна быть абсолютной, а не ограниченной»[2].

Продолжая курс Дудаева и рассчитывая упредить своих противников, А. Масхадов издает указ о введении полного шариатского правления в Чечне. Этим указом приостанавливалась законотворческая деятельность парламента, назначалась комиссия по разработке конституции, основанной на шариате. Указ послужил основанием для широкомасштабного наступления ваххабитов на светские органы власти. Должности во властных структурах получили многие ваххабиты: секретарем Совета безопасности ЧРИ стал И. Халимов, ранее освобожденный от должности министра шариатской безопасности. Введение «полного шариатского правления» в Чечне, с одной стороны, определило превращение ЧРИ в исламское государство, а с другой – возложило на ваххабитов заботу об экономическом и социальном благополучии населения.

К экономической нестабильности, препятствовавшей внедрению шариатских норм, добавлялась чуждость ваххабитского эксперимента для этнокультурных традиций чеченцев. Соревнование чеченских лидеров в глубине своей веры в Аллаха способствовало тому, что здесь готовы были принять самую жесткую форму шариата – шариат ханбалитского мазхаба, строго регламентирующий поведение верующего. Но поскольку привычки к строгому соблюдению системы шариатских правил в Чечне в течение короткого времени выработать было невозможно, ислам продолжал сохраняться здесь в основном в ритуальной форме. Кроме того, шариатское судопроизводство в Чечне осуществлялось, как правило, некомпетентными людьми, что должно было неизбежно привести к профанации мусульманского права в Чечне.

Действия федеральных сил привели к определенному свертыванию деятельности радикальных ваххабитов. Но было бы преждевременно говорить о том, что их влияние совсем исчезло. Ваххабиты ушли в глубокое подполье, хотя и редко, но дают о себе знать террористическими актами, их ряды по-прежнему пополняют новобранцы, в первую очередь молодежь.

Традиционное духовенство – тарикатисты – ведет разъяснительную работу в целях искоренения ваххабизма экстремистского толка. Часть чеченского духовенства традиционной ориентации объединилась в «Совет потомков Пророка Мухаммада, устазов и шейхов Чеченской Республики»

---

[1] *Шарматова, С.* Так называемые ваххабиты. – С. 414.

[2] *Дудаев, Д.* Чеченское исламское государство // Великий Джихад. – 1998. – № 1. – С. 7.

и выступает за стабилизацию религиозно-политической обстановки в Чеченской Республике.

Список литературы

Ислам. Энциклопедический словарь. – М., 1991.
Керимов, Г.М. Шариат и его социальная сущность. – М., 1978.
Чечня и Россия: общества и государства : сборник. – М., 1999.

© Мусайханов С.С., 2009

Х.М. Одаев

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ШАРИАТА, МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА (ФИКХА) И АДАТА В ЧЕЧНЕ

ОДАЕВ Хамзат Магомедович – соискатель ученой степени кандидата наук кафедры государственно-конфессиональных отношений РАГС, директор Департамента по связям с религиозными и общественными объединениями администрации Президента и Правительства Чеченской Республики (e-mail: adm95@mail.ru)

Аннотация. *В статье рассматривается методологическая неоднозначность, необходимость разделения понятий «шариат» и «фикх», когда речь идет о мусульманском праве. Отношения между исламом и адатом (адатным правом), по мнению автора, сформированы именно фикхом.*
Автор подчеркивает, что в истории Чечни исламские принципы толерантного отношения к адату сыграли важную роль в укоренении ислама среди чеченцев.

Ключевые слова: *адат, фикх, шариат, мусульманское право, исламизация, Халифат, иджма, кияс, сунна.*

Отношение ислама к адату и соотношение исламского права и адата в странах исламского мира всегда были важной доктринальной и практической проблемой для обеих сторон. Стремительно распространявшийся из Аравии ислам (VII – VIII вв.) столкнулся с серьезной преградой – этническим национализмом, нежеланием народов отказываться от своих традиций, обычаев и образа жизни по нормам адата, адатного права. Снятие этой преграды требовало, прежде всего, выработки доктринальной позиции ислама в отношении адата, то есть соответствующей системы принципов и норм мусульманского права (фикха).